

Шоу Бернард

**Полное собрание
сочинений**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б51

Б51 **Бернард Ш.**
Полное собрание сочинений: Том 3 / Шоу Бернард – М.: Книга по Требованию,
2022. – 262 с.

ISBN 978-5-521-31504-8

ISBN 978-5-521-31504-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе автора	1
Трущобы	33
Мужъ рока	172

Предисловіе автора
главнымъ образомъ о себѣ
самомъ.

Есть старая поговорка, гласящая, что лучше человеку не влюбляться вовсе, если онъ не успѣлъ хоть разъ сдѣлать этого до сорока лѣтъ. Я давно уже замѣтилъ, что то же правило можно съ успѣхомъ примѣнить и ко многимъ другимъ вещамъ: напримѣръ, къ писанію драмъ. И я твердо заручился собою на носу для руководства, что если я не сумѣю написать по крайней мѣрѣ съ полдюжины драмъ прежде, чѣмъ мнѣ стукнетъ сорокъ, то это значить, что лучше бы мнѣ и совсѣмъ не браться за ихъ сочиненіе. Однакоже создать ихъ такую толпику было не такъ легко, какъ могло бы показаться. И не потому, чтобы мнѣ не хватало дарованій драматурга. Въ этомъ смыслѣ единственнымъ предѣломъ моей способности ставить воображаемыхъ людей въ воображаемыя положенія, изобрѣтая различныя поводы для ихъ столкновеній, была только моя лѣность. Но, чтобы заработать этимъ даромъ безумія какія-нибудь средства къ существованію, пужно было заинтересовать не только свое собственное воображеніе, но по крайней мѣрѣ еще тысячъ семьдесятъ или сто современныхъ лондонцевъ, посѣщающихъ театры. Удовлѣтворить этому условію было не въ моей власти. И вообще это для меня было безнадежное предпріятіе. У меня не было ни вкуса къ тому, что называется популярнымъ искусствомъ, ни уваженія къ общепринятой нравствен-

ности, ни вѣры въ народную религію, ни поклоненія популярнымъ героямъ. Въ качествѣ ирландца, я не могъ заявлять претензій на патріотизмъ ни къ странѣ, которую я покинулъ, ни къ той, которая была метрополіей моей отчизны. Въ качествѣ гуманнаго человѣка, я ненавидѣлъ насилие и убійство какъ на войнѣ, такъ и во время спорта или на бойнѣ у мясника. Я былъ социалистомъ, которому противна наша анархическая погоня за деньгами и который вѣритъ, что равенство—единственно возможная прочная основа социальной организаціи, дисциплины, субординаціи, хорошихъ манеръ и подбора приспособленнѣйшихъ для самыхъ высшихъ функцій людей. Свѣтской жизни, открытой на довольно льготныхъ условіяхъ для лицъ, „блестящихъ“ въ какомъ-нибудь отношеніи, я не могъ выносить, даже если бы я не опасался ея развращающаго вліянія на характеръ, требующій, подобно моему, самаго внимательнаго къ себѣ отношенія. Во всѣхъ этихъ вещахъ я не былъ ни скептикомъ ни циникомъ: я просто понималъ жизнь иначе, чѣмъ средній порядочный человѣкъ. И наше расхожденіе во взглядахъ меня ничуть не огорчало, такъ какъ благодаря ему я чувствовалъ себя недурно въ условіяхъ, которые для этого средняго порядочнаго человѣка показались бы невыносимыми.

Судите же сами, какъ невозможно было для меня написать вещь, которая бы понравилась публикѣ. Еще не достигши совершеннолѣтія, я пробовалъ выступить на литературное поприще съ беллетристическими произведеніями и дѣйствительно написалъ пять длинныхъ повѣстей, которыми не делился ничемъ, кромѣ пары одобрительныхъ комплиментовъ со стороны самыхъ уважаемыхъ лондонскихъ и американскихъ издателей, единодушно отказавшихся рискнуть своимъ капиталомъ на изданіе этихъ повѣстей. Дѣло ясно, конечно, что повѣсть никогда не можетъ быть такъ плоха, чтобы ея уже

нельзя было и напечатать; разумеется, что я говорю вообще о повѣсти, если это не какая-нибудь глупость. Конечно, возможно и такой случай, когда какая-нибудь повѣсть слишком хороша, чтобы ее стоило печатать. Несомнѣнно однако, что съ моими повѣстями дѣло обстояло не такъ. И я могъ утѣшаться, повторяя вмѣстѣ съ Уэтли, что „эти глупые люди не понимаютъ своихъ собственныхъ глупыхъ выгодъ“. Поэтому что, когда эти повѣсти послѣдовательно стали появляться въ печати, чтобы заполнить пробѣлы въ финансировавшихся великодушными друзьями социалистическихъ журналахъ, то одна или двѣ изъ нихъ пустили корни, какъ сорная трава, и до сихъ поръ еще мнѣ приходится лезть на нихъ отъ времени до времени на страницахъ социалистическихъ изданій. Но я убѣдился въ скоромъ времени, что съ коммерческой точки зрѣнія издатели были правы. Ключъ къ пониманію положенія далъ мнѣ одинъ пріятель — медикъ, посвятившій себя спеціально изученію глазныхъ болѣзней. Какъ-то вечеромъ онъ изслѣдовалъ мое зрѣніе и заявилъ мнѣ при этомъ, что для него мои глаза не представляютъ никакого интереса, такъ какъ зрѣніе у меня совершенно „нормальное“. Я конечно понялъ это въ томъ смыслѣ, что зрѣніе у меня совершенно такое же, какъ и у всѣхъ другихъ людей; онъ однако отвергъ такое умозаключеніе какъ совершенно парадоксальное и попытался объяснить мнѣ, что въ оптическомъ отношеніи я представляю собою исключительное явленіе и что рѣдко кому выпадаетъ такое счастье, такъ какъ „нормальное“ зрѣніе обозначаетъ способность видѣть предметы ясно и точно и встрѣчается только у десяти процентовъ населенія, тогда какъ остальные девяносто процентовъ въ этомъ смыслѣ ненормальны. Я сейчасъ же пріобрѣлъ это объясненіе къ моимъ неудачамъ на писательскомъ поприщѣ. Мой умъ „нормаленъ“, такъ же какъ и мои

глаза: онъ воспринимаетъ предметы иначе и лучше, чѣмъ умъ другихъ людей.

Это откровеніе произвело на меня сильное впечатлѣніе. Прежде всего мнѣ пришло въ голову, что я могу жить продажею моихъ произведеній десяти процентамъ моихъ подобныхъ людей. Минутнаго размышленія было однакоже достаточно, чтобы сообразить, что они, вѣроятно, всё точно такъ же сидятъ безъ гроша, какъ и я самъ, и что не можемъ же мы всё пытаться, такъ сказать, изъ одного и того же источника. Задача состояла въ томъ, какъ заработать себѣ перомъ свой хлѣбъ насущный. Будь я человѣкъ практическаго здраваго смысла, человѣкъ, любящій деньги, какъ и всякій средней руки англичанинъ, рѣшить задачу было бы совсѣмъ не мудрено: стоило написать пару ненормальныхъ пьесъ, допустивъ аберрацію здраваго зрѣнія въ угоду вкусамъ девятиста процентовъ возможныхъ покупателей книжныхъ новинокъ. Но я былъ въ такой поразительной степени самоудовлетворенъ своимъ превосходствомъ, мнѣ такъ льстила эта моя ненормальная „нормальность“, что мнѣ никогда не приходило въ голову прибѣгнуть къ лицемерію. Лучше поглядѣть правильно на фунтъ стерлинговъ въ недѣлю, чѣмъ скосязнить на милліонъ. Вопросъ только, какъ заработать фунтъ въ недѣлю? Что мнѣ пришлось когда-то отказаться отъ писанія повѣстей, это неважно. Каждому деспоту, чтобы спастись отъ безумія, необходимо имѣть хоть одного нелояльнаго подданнаго. Даже Людовикъ XI терпѣлъ около себя исповѣдника, который ради небеснаго не боялся поречить владыкѣ земному. Демократія вручила въ настоящее время скипетръ деспота въ руки сувереннаго народа. Но и послѣдній долженъ также имѣть своего исповѣдника; и имя этого исповѣдника—критика. Критика только полезна съ точки зрѣнія здоровья. Она имѣетъ свою привлекатель-

ность для народныхъ массъ, несмотря на свою жестокость, благодаря тому, что даетъ удовлетвореніе чувству зависти, когда нападаетъ на великое, и исходитъ чувству энтузіазма, когда вѣнчаетъ его хвалою. Она можетъ говорить вещи, которыя многимъ и хотѣлось бы высказать громко, да они или не рѣшаются или не умѣютъ. Ея иконоборство, ея мятель и богохульство, если ихъ обернуть какъ слѣдуетъ, щекочутъ тѣхъ, кого они поражаютъ. Такъ что критикъ соединяетъ въ себѣ привилегіи придворнаго шута и исповѣдника. Если бы Гаррикъ обозвалъ доктора Джонсона Пончемъ ¹⁾, то это было бы и глубоко и остроумно; между тѣмъ какъ д-ръ Джонсонъ, бросивъ этотъ эпитетъ противъ Гаррика, могъ вызвать только самый дешевый смѣхъ у читателей, привыкшихъ ругать актеровъ скоморохами.

Я вынырнулъ изъ неизвестности подъ именемъ Понча. Все, что отъ меня требовалось, это было открыть мои нормальные глаза и со всѣмъ своимъ литературнымъ искусствомъ въ точности передать все, что поразило меня, описывая предметы именно такъ, какъ я ихъ видѣлъ. Этого было достаточно, чтобы меня прославили самымъ сумасброднымъ, самымъ парадоксальнымъ юмористомъ во всемъ Лондонѣ. Единственный упрекъ, съ которымъ ко мнѣ постоянно обращался, былъ: „Почему вы не можете быть серьезны?“ Вскорѣ я уже пользовался громадными привилегіями и располагалъ несмѣтными средствами. Еженедѣльно мнѣ предоставлялось видное мѣсто въ одномъ выдающемся журналѣ, чтобы я могъ сказать свое слово, какъ если бы я былъ самой важной персоной во всей Англіи. Весь мой трудъ заключался въ томъ, чтобы давать отчеты обо всѣхъ про-

¹⁾ Гаррикъ—извѣстный актеръ XVIII в.; Джонсонъ—извѣстный критикъ; Пончъ—шутъ, англійскій Петрушка. *Прим. переводчика.*

изведеніяхъ искусства, которыя привлекаетъ столица міра на свои выставки, концерты, въ свои оперные и драматическіе театры. Различныя классы прилежно читали мои статьи: массы терпѣливо выслушивали мои рѣчи. Я пользовался всѣми привилегіями безеребренника на ряду со всѣми удобствами миллионера. И если былъ когда-нибудь на свѣтѣ беззаботный человѣкъ, такъ это я въ то время.

Но—увы! Міръ становился моложе вокругъ меня, а я старѣе: его зрѣніе проясилось, а мое притуплялось. Онъ началъ невооруженнымъ глазомъ читать писмена, начертанныя на стѣнѣ. Это напомнило мнѣ, что наступаетъ и наступилъ уже вѣкъ зрѣлищъ. Матеріала для работы у меня еще было достаточно; возможность помѣщать свои статьи точно такъ же, и даже еще вдесятеро больше, чѣмъ прежде; но уходила молодость, и оскудѣвала сила справляться съ матеріаломъ; приходилось заполнять пробѣлы хитрыми уловками опытности. Случалось уже не являться на свой наблюдательный постъ; приходилось экономить здоровье; и даже соблюдать праздники и пользоваться отпускомъ. Въ моихъ еженедѣльныхъ столбцахъ, которые я заполнялъ когда-то изъ волшебнаго нпкогда не высохавшаго колодца, постоянно сверкавшего все новыми и новыми пскрамп,—я началъ повторяться; началъ впадать въ стиль, который, на мою великую бѣду, былъ признанъ хоть немного, но все-таки серьезнымъ; началъ замѣчать, что вода въ колодцѣ убываетъ и что работа накачиванія утомляетъ меня; и наконецъ—самый худшій симптомъ!—сталъ съ легкимъ трепетомъ задумываться надъ тѣмъ фактомъ, что я не сумѣю накопить вторично ко времени моего второго дѣтства мое таинственное богатство, какъ можно было бы накопить тѣ деньги, за которыя у меня его отняли чужіе люди. Кромѣ того, у дверей появилось и стало стучаться молодое поко-